

из дневника почившего на Пасху

1

сегодня мне на рыбалке Ли-Хэн сказал:
— пойманной рыбе никогда не смотри в глаза,
там, на дне вытекающего зрачка,
можно увидеть тень огромного мотылька.
мечется тень, на истомной реке дрожит,
будит, волнует до срока чужую жизнь,
и просыпаются в многоводии той реки
под тростниковыми ребрами рыбаки.
просыпаются из реки — жабры, полные крови, ила, песка,
у каждого ненависть вложена в ножны костистого плавника,
они заполняют землю, идут по земле — к плечу плечо...
Ли-Хэн, а при чем здесь рыба?
наверное, ни при чем.
все мы, вышедшие из лона большой реки, в муках, до срока рожденные рыбаки.
я запускаю по локоть руки в ведро, вижу: течет меж пальцев мертвое серебро.

2

приходит шепчет привет свет... бы тебя пересвет
не видел сто лет еще бы не видеть сто лет
одна беда без тебя мне света белого нет
день мой ветхий ночь моя ветхая как завет
смотрю в глаза
вправду как будто слеп
смотрю
глаза его лоб его губы снег и снегом меня засыпает нет никого нет
снег забирает всех

3

пойду сегодня в гастроном не за бухлом пойду об прилавок
последние рублики — хлоп скажу:
— дайте риса мешок буду выращивать рис
как земленогий Ли-Хэн атеист
будет из-под ногтей моих сочиться земля
будут мои подмышки пахнуть землей
буду ходить по рыжей воде туды-сюды

петь — смотри солнце сколько риса воды
смотри солнце — отец мой не пьет растит рис
смотрю сын улыбается мне сын мой растит рис
смотрю для нас на всех один единственный бог —
проткнувший пустое небо риса росток.

4

холодно нынче, облетают с заветренных тополей
прошлогодние листья, замедленный их полет —
песня небытия, танец мертвых шмелей,
музыка из остывшего горла подземных вод.
день идет по бульвару — благостен, смертен, бел,
будто идти ему вечно — радостно, налегке,
будто нести ему вечно пушистые ветки верб.
мертвый шмель на макушке, свежий порез на щеке.

5

так мало, скажи, или много,
к своим сорока [мать их]
узнать, что есть Бог... и Бога,
как смерти, на всех хватит.

открыла шкаф,
там моль сидела
на зеркале, вся — в мутно-сером.
ах, эти острые ключицы!
ах, эти согнутые плечи!
и ног, не знавших депиляций,
трагикомический изгиб...
и, прочихавшись, я спросила:
— за что, вы, дама, некрасивы?
какие внутренние силы
вас поднимают быть и жить?
и моль ответила степенно:
— хоть вы и дура, откровенно,
но что-то в добром вашем взгляде
знакомо, эмпатично мне...
скорей рубайте вальс Шопена!
и я врубил вальс Шопена,
моль встrepенулась, закружилась,
взбивая шаль в густую пену,
я встrepенулась, закружилась,
взбивая шаль в густую пену.
Ах, эта музыка Шопена:
пыль золотая на ресницах,
розанов шелковых муары
на бабочке-императрице;
ах, этот Фет под твердым фетром,
ах, этот Северянин в кепке —
прозрачность марлевая лиц их,

лаванда, мята в бутоньерках.
— зачем вы, дама, так красивы,
куда б вас вальсом ни носило?
какая внутренняя сила
вас поднимает на крылах?
— мой детский страх тахикардичный,
мой гений парадоксов личных,
звук каблучков трагикомичных:
тик-так-
тик-так-
тик-так-
тик-так.
вы танцевали вальс Шопена
одни в кромешной темноте?

покажи другое, зомбоящик,
дивное из детства покажи:
голосом Дроздова говорящие
по тропинке топают ежи.
пахнет мамин «ландыш серебристый»,
в ванной кран ревет как водопад.
топают ежи.
их путь тернистый
освещает солнце в сорок ватт.
и пока мы плыли по течению,
вглядываясь в радужные сны,
оттрубили красные олени
в выцветшей синтетике страны.
мне жалеть о том? Помилуй, боже,
все тогда (да и сейчас уже)
оказалось ложью. ложьюоложью.
кроме ландыша, конечно, и ежей —
нежных, колких, с карими глазами.
в черный мертвый ящик говорю:
— топайте, ежи, я здесь, я с вами,
я вас люблю.

облачно нынче на грешной земле...
облаки вишен и миндалей.
бродит старуха тенью меж них —
перистых, кучевых.
мука и счастье на белом лице,
белые губы в пылице.
эх... надышаться горечью всласть
замертво тотчас упасть...
к небу протянет костлявую плеть —
то ли проклясть, то ли взлететь?

— Боженька, скоро ль к тебе, по росе?
всех ведь прибрал — и врагов, и друзей,
что еще держит меня на земле?
— облака вишен и миндалей.

приснилось: я тебя простила
легко, что в небо отпустила
обиду — глупого щегла,
земля под крыльями качнулась,
и небо от зимы очнулось,
и стала ночь светлым-светла.
мы шли по городу, и все в нем
пестрело суетой бессонной,
похож был он
на город птиц в чащобах райских,
нет... апогей шумливых майских:
шарами, флагами, цветами заполонен.
мы шли по городу — толпою —
те, кто когда-то был с тобою,
и я могла
(улыбчивых, в летящих платьях)
всех поименно окликать их
без зависти и зла.
тебя простила, их простила
легко, что в небо отпустила
воздушный шарик голубой,
и без конца, и без начала,
я помню, музыка звучала,
какая музыка звучала?
прощание славянки,
бог с тобой.

Ателье

Висели вещи темные рядком,
и вещи густо пахли нафталином,
«москвичкой», корвалолом, табаком,
короче, женской жизнью несчастливой.

Гладильная. Курилка. Коридор.
Свет лампы запыленной, кафель скользкий.
Подсобка, где хранится до сих пор
машинок швейных сломанное войско.

Откуда... все, до ниток по углам,
я знаю? Дар сквозь стены видеть — свыше?
А может, я когда-то здесь жила?
Да-да, жила... обычной серой мышью.

Обрывки ниток волокна в нору,
Боялась смеха женского и визга,
и как-то (бирюза и перламутр)
я пуговицу от пальто отгрызла.

На кой она была мне? Для мышат?
Чтоб показать им в пуговице море?
А может, в ней жила моя душа:
Светящаяся, легкая... но вскоре
отраву подмешали в молоко.
От блюда пахло сытной ванилью,
«москвичкой», корвалолом, табаком,
короче всем, что женщины любили.

.....
Вы знаете, а смерти вовсе нет,
тоннеля нет, загробной тьмы зловещей.

.....
Вот мы заходим с мамой в ателье
(мне лет, наверно, семь... нет, даже меньше)
Все те же лица, полумгла... и, мать
пока, смеясь, с приемщицей болтала
(вот тут — убрать, вот здесь — ушить, поднять),
я пуговицу со стола украла.

На кой она была мне? В ней тогда
увидела я свет — протяжный, вечный,
немислимые страны, города,
тебя... за двадцать лет до нашей встречи.

Бесхитростно ребенка воровство
Но так мне за нее тогда влетело,
что больше никогда и ничего
чужого не брала и не хотела,

и даже не завидовала ни
столам богатым, ни богатым платьям,
как будто с той поры живет во мне
ужасное мышьиное проклятье.

.....
А знаете, ведь смерти, правда, нет.
Тоннеля нет, загробной тьмы зловещей.

.....
И снова захожу я в ателье.
Все те же лица, разговоры, вещи.

— Вот здесь поднять? Убавить по плечу?
Ой, что-то страз по вороту так скупю!
Я слушаю.
молчу,
молчу,
молчу,
и пуговицу на своем пальто
кручу, кручу...
и улыбаюсь глупо.

